
АЙРЕНЫ НААПЕТА КУЧАКА НА ТЕМУ ЛЮБВИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

З.Г. Айрян

Институт литературы им. М. Абега
НАН Республики Армения
ул. Григора Лусаворича, д. 15, Ереван, Республика Армения, индекс

В статье методом сопоставительного анализа исследуются стихотворения на тему любви средневекового армянского поэта в русских переводах. В ней представлены переводы В. Брюсова, В. Микушевича, В. Звягинцевой, дается их комплексный сопоставительный анализ, позволяющий определить, насколько поэзия Н. Кучака соответствует своим оригиналам.

Анализ переводов позволил заключить, что русские поэты-переводчики смогли с предельной точностью приблизиться к смыслу, стилю поэта, а также передать его поэтическую индивидуальность, раскрыв при этом его внутренний и духовный мир.

Ключевые слова: средневековая поэзия, айрен, адекватный перевод, сопоставительный анализ, образ, метафора, переводческое мастерство

Наапет Кучак — выдающийся поэт эпохи Возрождения, айрены которого стали новым явлением в армянской средневековой поэзии. Айрены — это любовные песни, часто дидактического содержания, состоящие из восьмистиший.

О жизни Н. Кучака почти нет достоверных данных, известно лишь то, что он родился и жил в XVI в. в селе Хараконис недалеко от города Ван (1).

Айрены Кучака дошли до нас благодаря усилиям армянских ашугов (2), которые в текстах песен отмечали, что они принадлежат перу средневекового поэта. Стихотворения Кучака свидетельствуют о том, что он был образованным и интеллектуальным человеком своего времени, восхвалявшим в них учение и науку. Однако основным мотивом его поэзии была тема любви, которая превозносилась им превыше веры.

В айренах образ возлюбленной описан с присущим ей характером и нравом, которая была для Кучака символом красоты и почитания, божественным творением Вселенной. В стихах Кучака выразились основные черты эпохи Возрождения — чувство красоты мира, восхваление человека, его труда и силы.

На русский язык впервые айрены были переведены со староармянского языка В. Брюсовым, наряду со стихами других средневековых поэтов они вошли в антологию «Поэзия Армении» (3).

За короткий срок Брюсов с помощью литературоведа Погоса Макинцияна (4) изучил армянский язык, подобно Байрону восторгаясь его удивительным богатством. Из 101 произведения этого жанра В. Брюсов выбрал для своих переводов лишь 16, где преимущественно преобладает тема любви. Благодаря прекрасному переводу читатель получил возможность наслаждаться яркими образами средневековой поэзии.

В качестве примера приведем перевод стихотворения «Скажи, мой милый месяц, мне...» и для подтверждения переводческого мастерства Брюсова представим также его подстрочный перевод [2. С. 249]:

Мой высоко плывучий месяц,
куда ты плывешь в эту бескрайнюю ночь?
Ты заглядываешь во многие окна,
видишь многих спящих красавиц.
У моей любимой пуговицы на рубашке
не застегнуты, свет падает меж ее грудей,
Отражается затем в небесах —
И звезды меркнут.

[2. С. 249] (Перевод В. Брюсова)

Իմ բարձրազրնա՛յ լուսին,
յո՞ւր երթաս գիշերընդ անհուն
Շատ յերդիք ի վար հայիս,
կու տեսնես շատ կիզել ի քուն.
Զկոճկիկն ալ յարձակս արեր,
լոյս դիպեր ի մեջ ծրծերուն.
Շառաւիղ յերկինս տուեր,
Խաւարեր լոյսըն աստղերուն:
[3. С. 180]

Скажи, мой милый месяц, мне:
куда ты ночью правишь путь?
Сквозь окна многих милых дев
ты видишь легших отдохнуть;
Они полураздеты все:
твой луч им падает на грудь,
И заставляет, отражен,
он звезды в свете потонуть!

[1. С. 36] (Перевод В. Брюсова)

Сопоставительный анализ перевода с оригиналом и подстрочным переводом позволил заключить, что перевод Брюсова эквивалентен смыслу, стилю айрена, который всецело передает волнение, настроение поэта.

Перевод соответствует интонационному построению оригинала, который также состоит из риторического вопроса и восклицания, благодаря которым, эмоциональные чувства поэта звучат с особой выразительностью.

Равнозначен оригиналу и перевод стихотворения «Тот поцелуй, что ты дала...», где страстные чувства любви Кучака, его переживания от разлуки с любимой воссозданы Брюсовым с глубоким лиризмом.

Զայդ պագդ որ ի քո բերնեն
դու տըրիր քո սրբտի կամով,
Հանցեղ անուշիկ պըտուդ՝
ն՛չ ցամաք երկիր կեր՛ւս չ՛ծով.

Նրման էր ի այն պըտղոյն
որ Աղավ կերաւ խաբանօր,
Շերաւ ի դրախտէն ելաւ,
էս ի քն ծոցոյն կարօտով:
[3. С. 112]

Тот поцелуй, что ты дала, был
сладостен моим устам.
Подобный плод, ах! Не растет ни по
каким земным лесам!
Но был коварен этот плод: как оный,
что вкусил Адам:
Отец лишился рая, ты — встречаться
запретила нам!
[1. С. 38] (Перевод В. Брюсова)

Из сопоставительного анализа перевода с оригиналом видно, что перевод выполнен Брюсовым с предельной точностью, где ни одна из мыслей Кучака не была им упущена.

Перевод В. Брюсова также соответствует стилю айрена, который представлен восьмистишием, с точной рифмовкой. Сравним:

Оригинал: կախով, ծով, կարօտով.

Перевод: устам — лесам; Адам — нам.

Следуя смыслу оригинала, Брюсов также построил свой перевод методом противопоставления и сравнения, например: / *Подобный плод, ах! / Не растет ни по / каким земным лесам! / Но был коварен этот плод: как оный, / что вкусил Адам: /*, посредством которых переводчик выделил настроение, взволнованность поэта, которая особенно ощущается в последней строке перевода: / *Отец лишился рая, ты-встречаться / запретила нам! /*

В переводе Брюсову удалось также передать восточный колорит стиха, например: / *Тот поцелуй, что ты дала, / был сладостен моим устам. / Подобный плод ах! / Не растет ни по каким земным лесам! /*, что также является переводческим достижением поэта.

Из изложенного можно заключить, что перевод В. Брюсова адекватен смыслу, стилю, настроению средневекового поэта, где верно воссоздано интонационное богатство оригинала, которое на русском языке не уступает оригиналу.

Помимо В. Брюсова, это стихотворение на русский язык перевел также и поэт-переводчик В. Микушевич, которому также удалось воспроизвести смысл, стиль оригинала [3. С. 202]:

Как сладок этот поцелуй,
Дарованный моим устам!
Он слаще всех земных плодов.
Весь мир я за него отдам.
Адам сорвал запретный плод.

Из рая изгнан был Адам.
Мой рай — в объятиях твоих,
И не бывать мне больше там.

[З. С. 202] (Перевод В. Микушевича)

Сопоставляя перевод Брюсова и Микушевича, можно заключить, что перевод Микушевича не уступает переводу Брюсова ни по смыслу, ни по стилю, в котором также воссоздан восточный колорит стиха, например: / *Он слаще всех земных плодов. / Весь мир я за него отдам /*

Отметим, что Брюсов в своем переводе сумел передать внутренний дух поэзии Кучака, достигая гармонии формы и содержания.

Микушевич же, в отличие от Брюсова, не знал армянского языка, он перевел этот айрен благодаря подстрочному переводу. Из перевода Микушевича видно, что он несколько уступает переводу Брюсова своим интонационным построением. Однако Микушевичу больше удалась концовка перевода, которая ближе оригиналу по смыслу и лиричнее в своем звучании. Ср.:

Оригинал: Վերա՛ն ի դրախտէն ելաւ, / եւ ՚ի քո ծոցոյն իջրօտով:

Перевод Брюсова: / Отец лишился рая, ты — встречаться / запретила нам!

Перевод Микушевича: / Мой рай — в объятиях твоих, / И не бывать мне больше там. /

Итак, можно сделать вывод, что оба переводчика мастерски справились со своей переводческой задачей, воссоздав внутренний мир армянского поэта, передав искренность и страстность его чувств.

Высоко оценивая лирику Н. Кучака, известная армянская поэтесса XX в. Сильва Капутикян (5), писала: «Быть влюбленным по Кучаку — значит быть всеильным, всемогущим. От имени этой всемогущей любви он смело заявляет, что готов без страха дать отпор любой враждебной силе. Так звучал голос поэта в XVI веке — в пору, когда истерзанная, истоптанная чужеземными захватчиками Армения потеряла последние крохи государственной самостоятельности и книги ее с нетленными миниатюрами пылились в полумраке разбитых храмов, а тоскующие по родным краям сыны в поисках заработка скитались по далеким, чужим городам. Когда представляешь это, поэзия Кучака приобретает новое, особое звучание, становится символом несокрушимости духа армянского народа, возвращающей людям любовь и веру в жизнь» [1. С. 24].

Впоследствии поэзию Наапета Кучака стали переводить такие русские поэты-переводчики, как П. Антокольский, В. Звягинцева, Н. Гребнев, А. Кушнер, Ф. Сологуб и др.

Однако по количеству переводов из поэзии Кучака пальма первенства принадлежит перу В. Звягинцевой, которая была большим знатоком армянской средневековой и армянской поэзии XX в. Звягинцевой удалось передать поэтическую индивидуальность Кучака, его мироощущения, внутренний мир и духовную красоту, которая проявилась в его глубоких чувствах к возлюбленной, противоречивших религиозным догмам того времени. В переводах Звягинцевой ощущается дух Кучака, где мысли и чувства поэта звучат так же откровенно и смело, как

и в оригиналах, свидетельствуя о новаторстве и прогрессивности средневекового поэта, считавшего любовь смыслом своей жизни:

Իմ ետ՝ ը, թէ ի վեր հայիմ,
թէ ի վայր, քան ըրբեզ չկա.
Ամէնն աստեղաց նման,
դուն ի մէջ պայծառ լուսընկա.
Կաղանդըն շնորհատր կ'ասէն,
ի տարին մէկ օր մի կու գայ.
Այսօր ինձ հազա՛ր կաղանդ
աչքերուս, որ ըզգես տեսա:
[2. Ս. 170]

Гляну вниз иль гляну вверх я —
краше не найду,
Затмеваешь ты подругу,
как луна звезду.
Поздравляют с Новым годом
только раз в году,
А меня сто раз поздравьте —
к милой я иду.
[2. С. 171] (Перевод В. Микушевича)

Переводческой удачей Звягинцевой можно признать перевод стихотворения «Вышла из-за гор луна», которое на русском языке является эквивалентом оригинала:

Լուսինն ի սարէն փրրթառ,
ի՛նքն ու իւր աստղըն ի հիտրաց.
Զաղուորն ի գիրկըս առի,
պագ առի երկուքս ի հիտրաց.
Ըստեղծողն իր բերնովն ասաց.
«Մի թողուչ գատ եարդ ի ձեռաց.
Հընցկուն պէլըման աղուոր
չէ՛ մ'աստեղծեր երկուքն ի հիտրաց»:
[3. Ս. 34]

Вышла из-за гор луна
С голубой звездой вместе,
Обнял я мою любовь —
Грусть ушла с бедою вместе.
Бог сказал:
«Люби ее, говорю тебе по чести!
Я не создавал ведь двух —
Равных красотою вместе»
[4. С. 29]

Перевод Звягинцевой свидетельствует о том, что ни одна мысль поэта не была ею упущена. Перевод также близок к оригиналу своим стилем, многообразием

таких поэтических образов, как луна, голубая звезда, Бог, возлюбленная поэта и сам автор.

С предельной близостью к оригиналу Звягинцева перевела также концовку стихотворения, где звучит обращение Бога к поэту:

/ Ըստեղծողն իր բերնովն սասց. / «Մի թողուչ զստ եարդ ի ձեռաց. / Հընցկուն պէլըման աղուր չե՛ս ստեղծեր երկուքն ի հիտրաց»:/

/ Бог сказал: / “Люби ее, говорю тебе по чести! / Я не создавал ведь двух — / Равных красотою вместе”.

Перевод, как и оригинал, представлен простым народным языком, где также верно воссоздано настроение поэта: / *Обнял я мою любовь — / Грусть ушла с бедою вместе* /.

Из сравнительного анализа также следует, что перевод Звягинцевой на русском языке приобрел новое дыхание, соответствующее поэтическому почерку средневекового поэта.

По поводу лирики Кучака литературовед Л. Мкртчян писал: «Айрены — это песни страстных, неожиданных, причудливых признаний в любви. Это стихи о великой красоте женщины и великой красоты мира. И мир не просто красив. Мир и потому и прекрасен, что прекрасна женщина. Природа открывается человеку, когда он любит. По-настоящему зрячие люди — люди влюбленные» [4. С. 14].

Во многих айренах Кучака поэт превозносил силу любви, одерживающей победу над смертью, примером чего может послужить перевод стихотворения «Вино твоего румянца», которое в переводе Звягинцевой звучит так:

Քն գունվըն գինի՛ պիտեր,
Խըմէի ու հարբենայի.
Քն ծոցդ Ադամայ դրախտ,
Մըտնէի, խընծո ր քաղէի.
Քու երկու ծրծամիջին
Պատկէի ու քուն լինէի.
Ան ժամն ես հոգի պարտ ի
Գրողին, լուկ թող զայ, տանի:
[3. С.142]

Вино твоего румянца
Мне пить бы опять, опять.
Библейский рай — твоё тело,
Ах, яблоко бы сорвать!
Уснуть на груди прекрасной —
Не высшая ли благодать?
За это ангелу смерти
Не жалко мне долг отдать.
[4. С. 83] (Перевод В. Звягинцевой)

Данный перевод не только тождественен по смыслу и стилю оригиналу, он также выделяется своими яркими восточными сравнениями, метафорами, кото-

рые свидетельствуют о поэтическом даровании самой переводчицы, например: *вино твоего румянца, библейский рай — твое тело, грудь прекрасная, ангел смерти*, посредством которых Звягинцева выделила в переводе основные мысли и чувства поэта, самоотверженно добивающегося своей возлюбленной.

В традиционной средневековой поэзии яблоко и роза являлись символами страстной любви, вот почему в айренах Кучака образ любимой ассоциируется с яблоком.

Значение этого символа в переводе Звягинцевой звучит так: / *Ах, яблоко бы сорвать!* /, что несомненно выделяет восточный колорит айрена.

С этим переводом соотнесем высказывание К. Чуковского, который писал: «Только зрелые мастера, люди высокой культуры и тонкого, изощренного вкуса могут браться за переводы таких иноязычных писателей, которые чужды им и по стилю, и по убеждениям, и по душевному складу.

Эти мастера обладают одним очень редким достоинством: они умеют обуздать свои индивидуальные пристрастия, сочувствия, вкусы ради наиболее рельефного выявления той творческой личности, которую они должны воссоздать в переводе» [6. С. 55].

Айрены Кучака имеют также нравоучительный характер, в которых автор советовал беречь и дорожить своими чувствами, признавая их бесценным даром неба. К примеру, можно привести стихотворение «Вчера по улице вели...», свидетельствующее о том, что любовь — это торжество и смысл жизни:

Երէկ ցորեկով բարով
տանէին սէկ ետք մի ճորով.
Ըզնա ճորով է տարած,
Կամ խարած է զինք դրրամով:
Սէրըն որ դրամով լինի,
զինք երէկ պիտի կըրակով.
Սէրըն խընճորով պիտի,
ու դրամ-դրամ շէքերով:
[3. С. 102]

Вчера по улице вели
красавицу куда-то
Не то насильно увели,
Не то прельстили платой.
На что мне жизнь,
Когда любовь меняется на злато?!
Любовь берегите как цветок,
Как спелый плод граната.
[4. С. 63] (Перевод В. Звягинцевой)

В переводе В. Звягинцевой воссоздано прогрессивное мировоззрение поэта, протестующего против насильственного замужества любимой.

Известно, что в Средние века в восточных странах женщина была бесправной и ее родные выдавали ее замуж по своему усмотрению, часто получая за это большое вознаграждение.

В переводе Звягинцева верно передала смысл разочарования и гнева поэта, звучащих в виде риторического вопроса:

/ Տգնիս ճրոյնի է տարած, / Կա՛մ խաբած է զհնր դրրա՛նով:
/ На что мне жизнь, / Когда любовь меняется на золото?!

Однако в концовке перевода переводчицей допущена некоторая неточность.

Так, Кучак сравнивает свою любовь с яблоком: Մէրըն խընծրոյնի պիտի / ու
դրիւմ-դրիւմ շէքերով: /

В переводе же Звягинцевой символом любви является гранат: / *Любовь бере-
гите как цветок, / Как спелый плод граната.*

На наш взгляд, замена слова *яблоко* на *гранат*, было сделано переводчицей в целях сохранения рифмы. Гранат также является символом востока, и он также подходит к общему смыслу стихотворения и не искажает его.

Из изложенного следует, что перевод айрена удался Звягинцевой, сумевшей передать его с большим экспрессивно-эмоциональным чувством.

П. Антокольский, в свое время указывая на основную задачу переводчиков, писал: «В задачу поэта-переводчика входит также стремление сделать чужое творчество достоянием нашей поэзии и нашей культуры, — иначе говоря, всеми доступными средствами оживить его на русском языке, дать ему вторую, новую жизнь» [5. С. 6].

Итак, переводы русских поэтов — переводчиков свидетельствуют о том, что айрены Кучака были ими глубоко прочувствованы, и им с большим профессионализмом удалось раскрыть и передать специфические особенности поэтики средневекового поэта.

Благодаря переводам русских поэтов-переводчиков балкарский поэт Кайсын Кулиев по поводу айренов писал: «Наапет Кучак — великий лирик. Я прочел его стихи в подстрочном воспроизведении и поэтических переводах. От них повеяло на меня душевной мощью большого художника и мудреца. Даже самый эмоциональный из больших художников всегда мудр. Мудрыми были и Пушкин, и Исаакян, и Блок, и Лорка. Это мудрость сердца. Ее не надо путать с умением жить благополучно и устроено... Не будь он прозорливым, он легко заблудился бы во мраке жизни, не слышал бы звона будущего, не видел бы его света» [1. С. 4] (6).

Итак, благодаря многочисленным переводам русских поэтов, поэзия Наапета Кучака стала достоянием не только армянских, но и русских читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Город Ван в западной Армении, находящийся ныне на территории Турции.
- (2) Ашуг — на армянском языке — народный певец.
- (3) В. Брюсов. Поэзия Армении. М., 1916. 505 с.
- (4) Макинциян Погос принимал активное участие в подборе материалов и выполнении подстрочных переводов в период подготовки антологии «Поэзия Армении» под редакцией В. Брюсова.
- (5) Капутикян Сильва — крупнейшая армянская поэтесса XX в., писатель и публицист, академик НАН РА. Заслуженный деятель культуры Армянской ССР.
- (6) Исаакян Аветик — выдающийся армянский поэт XX века, прозаик, публицист.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кучак Н.* Лирика. “Айрены”. М.: Художественная литература, 1972. 222 с.
- [2] *Кучак Н.* Сто и один айрен. Ереван: Советакан грох, 1976. 150 с.
- [3] *Кучак Н.* Сто и один айрен. Ереван: Советакан грох, 1988. 268 с.
- [4] *Кучак Н.* Сто и один айрен. Ереван: Наири, 1998. 163 с.
- [5] *Самойлов Д.* Поэты-современники / под ред. Н. Любимова. М., 1963.
- [6] *Чуковский К.* Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1988. С. 55.

NAHAPET KUCHAKS AYRENS ABOUT LOVE IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Z.G. Haeryan

M. Abegyan Institute of Literature
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Gregora Lusavoricha str., 15, Yerevan, Republic of Armenia, 0038

The article investigates the method of comparative analysis of the poem on the theme of love medieval Armenian poet in Russian translation. It presents translations of Bryusov, V. Mikushevich V. Zvyagintsev, which gives them a comprehensive comparative analysis to determine how the poetry of N. Kuchak matches your originals.

Translation analysis led to the conclusion that the Russian poets and translators with the utmost precision could come close to the meaning, the style of the poet, as well as convey its poetic personality, revealing at the same time and his inner spiritual world.

Key words: medieval poetry, airen, adequate translation, comparative analysis, image, metaphor, translation skills

REFERENCES

- [1] Khutschak N. Lirika. “Aereny” [Lyrics. Ahrens]. Moskva: Xudogestvennaq literature [Moscow. Arts literature], 1972, 222 p.
- [2] Khutschak N. Sto i odin aeren. [One hundred and one Ahren]. Erevan: Sovetakan groh, [Erevan: Soviets writer], 1976, 150 p.
- [3] Khutschak N. Sto i odin aeren. [One hundred and one Ahren]. Erevan: Sovetakan groh, [Erevan: Soviest writer], 1988, 268 p.
- [4] Khutschak N. Sto i odin aeren. [One hundred and one Ahren]. Erevan: Nairi [Nairi], 1998, 163 p.
- [5] Samoilov D. Poety — sovremenniki. [Poets contemporaries]. Pod red. N. Lyubimova. Moscow, 1963, 147 p.
- [6] Chukovski K. Visokoe iskusstvo. Moskva: Sovetsky pisatel. [High art. Moscow Soviet writer], 1988, p. 55.